

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Юлий РАЙЗМАН:

Урок
после
сеанса

Герой Социалистического Труда, народный артист СССР Ю. Я. Райзман — известнейший советский кинорежиссер. Он поставил фильмы, вошедшие в золотой фонд нашего киноискусства, такие, как «Последняя ночь», «Летчики», «Машенька», «А если это любовь!», «Коммунист», «Твой современник», и другие. Сегодня наш корреспондент беседует с Ю. Я. Райзманом.

— Юлий Яковлевич! Можно сказать, что все свое творчество вы посвятили нравственной, морально-этической теме. Большинство ваших фильмов, начиная еще с незабываемой «Машеньки» и кончая недавней «Странной женщиной», так или иначе выстраивается в одну цепь — разговора о нравственном облике современного человека. Что бы вы могли сказать о состоянии нравственной проблематики сегодня в нашем кино? Фильмов об этом вроде бы много...

— А разве фильмов много? Признаться, я этого не заметил. Быть может, потому, что вообще в последнее время не так уж много смотрю. Ну вот вышел «Осенний марафон». Однако что-то не припомню за последнее время больше хороших картин на интересующую нас тему.

Я думаю, мы вообще что-то упустили. Всегда в искусстве, в кино в том числе, не хватало, на мой взгляд, серьезного нравственного разговора, который глубоко и серьезно освещал бы моральные взаимоотношения героев. Мы очень много, и это понятно, говорим о человеке на работе, на производстве. И очень немного — о том, каков он в семье, дома, как-то так привыкли считать, что если там все в порядке, то и здесь все будет в норме, в примерном соответствии, что, к сожалению, далеко не всегда бывает. Между тем моральный облик человека — это, конечно, не только то, как он относится к жене или детям, это очень широкий комплекс вопросов, начиная с того, скажем, уступит ли он место в троллейбусе, полезет ли в буфете или в магазине без очереди, и кончая тем, что он, человек, понимает под честностью, под совестью в самом широком смысле этого слова.

— А как же быть с гармонией в человеке, с гармонией общественного и личного?

— Возможно, что гармония и существует, характер человека един, но его поведение может быть разным. Человек способен управлять собой и не сразу проявляется таким, каков он есть на самом деле.

И далеко не всегда бывает, что плохой человек плох и на работе, и дома, и в семье, а хороший непременно хорош во всех своих ипостасях. Моральная, нравственная жизнь человека гораздо сложнее. Бывают здесь образцы в высшей степени неожиданные — волевой человек на работе вдруг оказывается тряпкой, подкаблучником у себя дома, во всем подчиняясь жене, хотя она и явно уступает ему интеллектуально. Только одна сторона жизни человека, показанная в своей отдельности, ничего в нем не объясняет. Облик современного человека, его нравственный облик, его идеалы — все это требует серьезнейшего рассмотрения в искусстве. Мы не избавились еще от понятия обывательщины. Она все-таки существует, и боремся мы с ней плохо. Существующие не внешние (они всем ясны и отчетливы), а внутренние, я бы сказал, формы нравственного оскудения — они скрыты, но не менее опасны. И дают печальные плоды. А выражаются они в старой, как мир, формуле «моя хата с краю». Болезнь старая, но формы ее выражения постоянно меняются, микрируют, приспособляясь под современность, — и это надо суметь разглядеть.

А как мы боремся с этим? Надо широко и ярко пропагандировать достижения советского образа жизни. Сила положительного примера очень важна. Но, вероятно, и сила воздействия отрицательного образа имеет право на существование. Борьба с пороками, борьба с плохим во имя хорошего во все времена развития была благородной задачей искусства. И поэтому надо нам, именно нам говорить о наших недостатках, а не ждать, пока о них скажут другие, — здесь подлинная польза искусства.

— Юлий Яковлевич! А почему все-таки многие фильмы остаются на уровне мелкотемья?

— А потому, что моральная тема может стать крупной, значительной только тогда, когда она рассматривается в со-

циальном аспекте. Иначе же действительно это будут слезливые рассказы о девушке, которую соблазнили, о жене, от которой ушел муж, о муже, который бежит от жены, и так далее. В сущности, нельзя, думаю, мне, сводить моральную тему только к взаимоотношениям мужчины и женщины, эта пора в жизни человека хоть и прекрасна, но недолга. А человек остается. И надо подробно рассматривать, каков он, положительно воздействовать на человека. Я не думаю, чтобы было что-то новое в том, что я говорю, — я об этом говорю и думаю постоянно. Фильм — это произведение искусства, но это всегда и философский анализ того или иного явления, анализ, призванный вскрыть генезис явления, его диалектику. Если этого нет, то вот и рождаются те самые ленты, о которых мы здесь с вами говорим.

Скажем, то же явление обывательщины. Ведь оно порождено благополучием жизни.

Но, вероятно, не так-то легко достигнуть гармонии в материальном уровне и интеллектуальном развитии человека.

Если интеллектуальное развитие отстает от материального, то здесь может возникнуть то понятие, которое мы называем обывательщиной или мещанством.

— Когда все-таки в искусстве возникают такие понятия, как «крупная тема» и «мелкая тема»?

— Когда есть проблема и когда нет проблемы, а только констатация факта.

После фильма «Странная женщина» мы с Евгением Исифовичем Габриловичем получили и все еще продолжаем получать очень много писем. И вот в некоторых из них пишут: жена ушла от хорошего мужа, бросила сына — это аморально. Нельзя проповедовать свободу нравов. Но мы не пропагандируем разводы, а как раз предостерегаем от того, что лежит в их основе. Кто так думает, тот проявляет странную ограниченность. Но, к сожалению, в этом и мы виноваты, мы это ханжество ему внушили плохими фильмами, мы порой прививали ему примитивный взгляд на жизнь.

— Что такое вообще в искусстве нравственный пример? Как вы его понимаете?

— Некоторые зрители считают — раз в кино показывают развод, значит, тем самым пропагандируют развод. Между тем это совсем не так. Своим фильмом мы как раз хотели предостеречь против «мертвых» браков, против жизни друг с другом просто так, по инерции.

Конечно, искусство воспитывает человека. Но каким путем? Подчас это воспитание эстетической культуры, создание у человека определенного уровня восприятия окружающей его жизни. И отсюда уже проистекает более отчетливое понимание хорошего и плохого, положительного и отрицательного. Процесс этот очень долгий и трудный, одноразовый. Ни одна картина не может сразу и непосредственно повлиять на моральный облик человека, чаще всего искусство может только поставить ту или иную проблему, подтолкнуть к каким-то размышлениям.

Это, естественно, не относится к фильмам героического плана — таким, скажем, как «Чапаяев». Его воздействие прямое, непосредственное — в этом его функция, существенная и важная.

Там же, где речь идет о моральной проблематике, там с воздействием дело обстоит гораздо сложнее.

Еще раз вернусь к письмам, которые мы получали после «Странной женщины». Среди них были письма-исповеди, люди рассказывали о своей жизни. Они хотели бы так же решительно поступить, как наша героиня, но всегда ли это возможно?

Вот, скажем, написала нам одна девушка лет семнадцати. Написала, что будет так же поступать в жизни, как наша Женя Шевелева, — так же бескомпромиссно и честно по от-

ношению к самой себе. Но ведь это не так просто! Это она сейчас, в свои семнадцать, воображает, что будет такой, а жизнь может такие условия предложить, при которых она и спасует, и отступит.

Когда речь идет о проблемах моральных, то они так опосредствованы условиями жизни, так поворачиваются индивидуально в каждом конкретном случае, что рецептов вообще не может быть. А рецептов от искусства и требовать нельзя. Искусство может заставить задуматься, фильм в лучшем случае, как я уже говорил, может подтолкнуть к какому-то решению.

Мне кажется, главная причина разводов — это отсутствие у тех, кто вступает в брак, четкого представления о том, что такое семья, о том, что такое любовь, и какая степень этого чувства должна переходить в брак. Существует первое увлечение, но ведь это еще не любовь. Скажем, в моем фильме «Твой современник» есть такая сцена, где герой разговаривает с невестой своего сына и именно об этом ей говорит. Быть может, он и не во всем прав, но, мне кажется, доля истины есть в его словах.

При раннем созревании нашей молодежи, при некоторой легкости, которая существует в их отношениях, очень скоро наступает разочарование друг в друге. Им очень трудно понять, что с момента брака меняется вся жизнь, формы ответственности, особенно при рождении ребенка. Но это не только вина самих молодых, но всех, кто их воспитывает — и не воспитывает в них ответственности перед собой, друг перед другом, обществом.

— А все-таки — роль женщины в том состоянии семьи, которое мы сегодня наблюдаем?

— Конечно, домострой был гораздо удобнее, прочнее. Брак был крепким. Но несчастных браков было куда больше. Сегодня приходят к браку на равных, я имею в виду материальную независимость женщины. Этот фактор имеет сегодня наименьшее значение. И это уже хорошо.

А все-таки одиночество остается. Это проблема, и глубоко социальная притом.

Да, юноша и девушка приходят к браку на равных — это формула Энгельса, но, к сожалению, здесь возникает тот же фактор индивидуального развития. Те блага равенства в нашем обществе, о которых мы уже говорили, подчас обращаются не в пользу семьи, свобода порой становится мнимой, неправильно толкуемой как свобода от ответственности.

Повторяю, эти мои размышления не носят какого-нибудь исключительного характера — я не претендую на откровения. Наше искусство должно более ответственно подходить к теме морального разговора со зрителем, потому что сегодня это очень важный разговор. Ведь от того, каков человек в любви, в семье, зависит в большой мере и каков он в работе. Я бы даже сказал, что в любви человек проявляется полнее, резче и откровеннее, чем на работе: там он может долгое время мимикрировать, здесь же он таков, каков есть на самом деле.

Не хочу сказать, что тема эта, столь дорогая для меня, важнее всех других, но, мне кажется, именно в ней сегодня сконцентрировались многие наши искания в облике сегодняшнего человека. Я считаю, что здесь нам давно пора набрать некую новую высоту социальной остроты — да, именно так, социальной остроты, уйти от мелкотемья, от мелкокопаний, от псевдопроблемности. Понять, наконец, что человек важен во всех своих ипостасях. Я бы сказал, что нам нужно вести бой, именно бой за нового человека на всех направлениях, и в первую очередь в области нравственности, где он так уязвим, подвержен самым разным влияниям, так раним и так хрупкий.

Беседу вел
В. ИВАНОВА.

Фото С. Склезнева.